

18+

ПРАВДИВАЯ НЕБЫЛЬ

Вячеслав Корнич

Вячеслав Корнич
Правдивая небыль

«Издательские решения»

Корнич В.

Правдивая небыль / В. Корнич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746669-5

Он нашёл свою любовь, но та — виновато промолчала, он жаждал духовной пищи, но всё, что находил, казалось ему «отрыжкой цивилизации»... Когда он путешествовал с друзьями по тайге, с ним произошёл очень странный случай. Встреча с загадочной незнакомкой буквально перевернёт всю его жизнь, заставив вернуться в далёкое прошлое, где таились причины его неудач, и ответы на терзавшие его вопросы... Это лишь первая история, другие — не менее интересны.

ISBN 978-5-44-746669-5

© Корнич В.
© Издательские решения

Содержание

Контракт на вечность	6
Из утробы цивилизации	6
Иллюзия	13
Предоплата	19
По следам прошлого	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Правдивая небыль

Вячеслав Корнич

© Вячеслав Корнич, 2020

ISBN 978-5-4474-6669-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Контракт на вечность

Из утробы цивилизации

Я нёсся сломя голову, не оглядываясь, не разбирая дороги прямо через буреломы и кустарники, не обращая внимания на исцарапанные в кровь руки и лицо! Мне казалось, что преследователь уже дышит в спину и в любую секунду готов запустить в неё свои острые когти. Не липкий страх, а чувство самосохранения придавало мне силы бежать дальше. В пылу бега я только внизу у подножия холма понял, как удачно скатился с крутого обрыва, запнувшись об корни деревьев. Уже стоя на коленях, я оглянулся назад. Преследователь отстал, скорей всего, он отстал ещё раньше, но теперь это не имело никакого значения, ведь я был в безопасности. Вконец обессилив от сумасшедших «скачек» по тайге, я развалился на земле и стал переводить дух. В ожидании сумерек лес погрузился в тишину и только щебетания птиц да лёгкие дуновения ветерка время от времени нарушали его величественный покой. Когда сердце немного успокоилось, я попытался вернуть свой ум к здравому рассуждению:

«Уф... и загнал же меня косолапый, по полной загнал... Ладно, чёрт с ним, забыли. Так, надо сориентироваться... отбежал я от реки прилично, а солнце уже клонится к закату, вот на него и пойду, всё равно должен к реке выйти... ребята в любом случае ждать будут».

Отправляясь в путь, я невольно стал прокручивать в голове произошедшее событие. Во второй день перехода мы отшлёпали приличное расстояние и уже подумывали куда-то прийтись для ночёвки. Берег реки нас вполне устраивал, горная речка находилась где-то поблизости, если верить карте и нашим расчётам. Но не тут-то было. Спустившись вниз с очередного горного гребешка, мы угодили на полянку, где оказались не одни, там уже хозяйничал огромный бурый медведь. Он увлечённо лакомился ягодами и поначалу даже нас не заметил. А мы вместо того чтобы потихоньку уйти, как истуканы застыли в оцепенении, совершенно не зная, что делать. Почуввав чужаков, медведь потянул ноздрями воздух и повернул в нашу сторону свою страшную морду. Без лишних объяснений было понятно, что хозяин тайги не намерен ни с кем делить свою территорию. Он недовольно заворчал и замотал головой. Как по команде мы дружно попятились назад. Однако жест доброй воли почему-то не успокоил медведя, напротив, он встал на задние лапы в полный рост, который показался нам просто гигантским и угрожающе зарычал.

– Побежали, ребята, – испуганно прошептала Татьяна, судорожно вцепившись в Володькину руку.

– Нет, только без резких движений, – тихо произнёс я, подталкивая назад внушительным рюкзаком своих друзей, – уходим... медленно.

Когда поляна скрылась за лесной чащей, нам показалось, что всё – опасность миновала, но мы ошибались, медведь дал нам небольшую фору и отправился следом. В течение часа он шёл прямо за нами с необъяснимой звериной настойчивостью. Однако странным было то, что медведь сохранял выбранную дистанцию и не предпринимал никаких активных действий. Время от времени мы видели громадную тушу зверя, маячившую в сотне шагов за нашими спинами, слышали его хриплое ворчание и треск сломанных веток.

– Что ему от нас надо? – с тревогой спросила Жанна, оглядываясь назад.

– Кусать очень хотса, – нехотая брякнул Андрей.

– Дурак! – чуть не заплакала женщина.

– Точно, шут доморощенный! – поддержала подругу Таня. – Меня до сих пор трясёт, а он...

– Да ладно вам, девчонки, всё нормально, разберёмся, – попытался успокоить женщин Андрей.

– Ну и какие у вас есть мысли, мальчики? – язвительно поинтересовалась Татьяна.

– А может, в него из ракетницы стрельнуть, а? – вдруг предложил Володька.

– Нет, сухостой кругом, ещё пожара нам только не хватало, – разумно заметил я.

– И то верно...

– Странноватый какой-то мишка, – сказал Андрей. – Что он задумал интересно?

– Я слышала, что медведи совершенно непредсказуемы, могут напасть в любой момент, – только добавила страху Жанна, – надо что-то делать, мужчины...

– Ага, осталось спросить у него самого, что же он хочет, – усмехнулся Андрей. – Предлагаю назначить переговорщика. Кто смелый?

– Опять ты?! – прикрикнула на мужа Жанна и шлёпнула рукой пониже спины.

– Эй, больно же!

– Ладно, сделаем так, – проговорил я, – вы двинетесь к реке, а я постараюсь его отвлечь... встретимся у излучины, ну, у той, что на карте отметили.

– Ты сдурел, Евгений, он же тебя сожрёт и не поморщится! – воскликнул Володька.

– А лучше будет, если он всех подерёт за компанию? – возразил я. – Вы люди семейные, жалко вас, да и ходить так уже надоело... не до ночи же.

– Женя, ну хватит шутить, Володя прав, это опасно, – взмолилась Татьяна, – есть же другие варианты, давайте подумаем.

«От тебя Танечка это вдвойне приятно услышать», – тёплом отозвалось моё сердце.

– И правда, ребята, лучше не разделяться, вместе же надёжнее, – поддержала её Жанна и с затаённой надеждой произнесла:

– Смотрите, кажется, он отстал...

– Фиг там! – покачал головой Андрей. – Вон об кедр трётся, блохи, видно, достали.

– Всё, решено, бегаю я лучше всех, так что оторвусь, – твёрдо заявил я, – рюкзак только возьмите, с ним как-то несподручно по горам скакать.

– Ты хорошо подумал, Женька, может, всё-таки вместе? – больше для очистки совести спросил Андрей, помогая мне освободиться от рюкзака.

– Действительно, Евгений, не дай бог что случится, – поддакнул ему Володька.

– Да успокойтесь, мужики, прорвёмся, – ответил я. – Всё, идите быстрее, а я здесь пошурю для вида.

Подталкивая вперёд парней, я ободряюще подмигнул девчонкам.

– Женечка, будь осторожен, мы ждём тебя, – на ходу проворковала Татьяна.

– Буду, Танюша, спасибо. Всё, топайте уже!

Я не спеша стал отступать назад, стараясь удерживать в поле зрения косолапого великана, и при этом создавал шумовые эффекты. Но медведь оказался непростым экземпляром и вскоре раскусил мою маленькую хитрость. Уже без всякого предупреждения он кинулся за мной, и мне ничего не оставалось, как делать ноги, причём очень поспешно. Слава Богу, что к тому моменту ребята успели скрыться из видимости.

За размышлениями я не сразу заметил, как стало смеркаться, над лесом нависло огромное крыло тени и с каждой минутой неумолимо сваливалось вниз. Я прибавил шагу и спустя несколько минут совсем рядом услышал шум бурлящей воды. К тому времени на небе уже мерцали первые бледные звёзды. Спустившись вниз по долине, я оказался на каменистом берегу горной речки, но к своему сожалению излучины не увидел.

«Тьфу ты, наверно, проскочил! – прорвалось внутри меня. – И куда же теперь в потёмках-то? Да уж... здесь можно так заплутать, что больше не захочется».

Кроме речного шума и налетающих порывов ветра мне не удалось уловить ни единого звука, хоть как-то намекавшего на близкое присутствие моих друзей.

Я вздохнул и стал оценивать своё положение:

«И что же мы имеем? Реку... ну да, это уже кое-что... ещё есть нож, спички и несколько галет, не густо, конечно, не густо. Ладно, до утра хватит, а утро вечера, как говорится...»

Округа уже плотно обволакивалась ночной темью и дышала прохладой. Не желая более испытывать судьбу, я решил переночевать прямо на берегу. Только сейчас я почувствовал, как неприятно саднят раны на теле, и попытался смыть следы «лошадиного бега» по пересечённой местности. Холодная вода действительно несколько притупила боль. Потом в прибрежной скале я отыскал небольшую нишу как раз, чтобы уместиться одному человеку, где устроил из еловых ветвей довольно приличное для походных условий лежбище. Рядом с убежищем я соорудил из камней очаг и развёл в нём огонь, прекрасно понимая, что без спальника долго не протянуть. Как ни крути – ночи в горах были холодными даже летом. Когда костёр занялся ярким пламенем, я устроился на еловой «перине» и призадумался. Такое стечение обстоятельств явно не вписывалось в наши планы. Уже два года я вынашивал идею посетить западные Саяны и, наконец, уговорил своих друзей. Ребята заранее спланировали свои отпуска, пристроили к бабушкам детишек, и уже горели желанием посвятить пару недель «дикому» лону природы. Да, именно «дикому», чтобы подальше от цивилизации. То и получили...

А начиналось всё просто замечательно! До Хакасии мы добрались поездом, потом на перекладных до самих Саян, ну а дальше уже пешочком в горы.

Первый день у нас прошёл, можно сказать – на ура и даже несмотря на усталость от непростого перехода по горам настроение у всех было на подъёме. Палаточный лагерь мы разбили у небольшого горного озера, потом с мужиками занялись заготовкой дров и костром, а женщины сообща принялись готовить ужин. Поужинав, мы до глубокой ночи беседовали на всевозможные темы, наслаждаясь долгожданной свободой и, конечно же, шутили. На дружеские шутки в нашей компании редко обижались, а если кто и обижался, то недолго. Обычно удачно найденное словцо только подогревало позитив атмосферы. С Володей, Андреем и Татьяной мы дружили уже давно, ещё со школьной скамьи, а вот Жанна влилась в наш сплочённый коллектив чуть больше семи лет назад, когда ходила ещё в невестах Андрея. В юности мы втроём были влюблены в Татьяну и тайком друг от друга ухаживали за ней. Не знаю как парни, но я до сих пор помню, как переживал эти первые трепетные чувства, как не спал по ночам, страдал. Но она выбрала Володьку, и нам с Андрюхой пришлось смириться, конечно, не без обид, но пришлось, ведь мы же были друзьями. Как выяснилось позже, взаимная любовь не обошла стороной и Андрея, но это случилось уже в более зрелые годы. А я до сих пор не мог забыть Татьяну, поэтому, наверно, и мотался по археологическим экспедициям, чтобы быть подальше от неё. Но всё одно возвращался назад. Почему-то сейчас мне вспомнилась вчерашняя не совсем однозначная дискуссия с ребятами у костра, как бы невзначай коснувшаяся жизненных реалий. С чего же всё началось? А, да, Татьяна посетовала на житейскую суету, из которой якобы трудно выбраться, чтобы вот так просто посидеть с друзьями на природе, полюбоваться звёздами, поболтать о жизни.

На что я ей очень лаконично ответил:

– Отговорки всё это, Танюша.

– Ну почему, Женя? Тебе проще, ты один, а у нас кроме работы – семья, дети, куча домашних забот.

– Точно, упрётся в очередную экспедицию на полгода и ищи свищи ветра в поле, никакой ответственности! – с ухмылкой поддакнул Андрей.

– Можно подумать, что вы бедные корячитесь в изнеможении, земную ось поддерживаете, чтобы налево не сместилась, – съязвил я.

– Не надо, Евгений иронии, мы растим подрастающее поколение, а это дело святое, – заметил Володька.

– Ну и чему вы их учите с Танюшкой: химии, биологии, физике? Да, науки достойные, не спорю... Но обычному человеку эти предметы до одного места, их трудно увязать с реальностью, поэтому они долго в голове и не задерживаются, в одно ухо влетают, а в другое вылетают сразу же после школы, ежели, конечно, не продолжить обучение по этим самым предметам.

– А твоя археология, что даёт, чему учит?! – не на шутку взъершился Володя.

– Стоп, брат, не надо всё переводить на личности, я просто хотел сказать, что если бы школьные предметы как-то находили точки соприкосновения с другими науками, ну, ещё с древней философией, с той же религией, тогда б их можно было рассматривать, как одно цельное учение о жизни. В этом был бы толк, я уверен. А где у нас такие знания выдают – в школах, в ВУЗах? Одни пузыри на воде! Что разве не так?

За ущемлённую профессиональную гордость вступилась уже Татьяна:

– Женя, это всё демагогия! Ты вот месяцами торчишь на своих раскопках – для чего, зачем, что ты там ищешь? Неужели твои истлевшие реликвии способны дать ответы на все жизненные вопросы?

– Я и не утверждаю этого...

– Зачем тогда эти наезды, Евгений? – снова подключился Володя. – Мы с Татьяной работаем честно, а как получается, не нам уж судить.

– Ребята, извините, если обидел, я прекрасно знаю, что вы в детей душу вкладываете, – повинился я, – не ваша вина в этом, а системы, это она проскальзывает и не видит главного.

– Ладно, Евгений, принимается, – буркнул Володька.

– Женя, ты хочешь сказать, что в таком качестве школьные предметы вообще нет смысла изучать? – любопытствовала Жанна.

– Ну почему же, – пожал плечами я, – любая информация расширяет умственный кругозор, но ведь мировоззрение это уже другое...

– Да, дружище, ты опять куда-то в философские дебри полез, не заблудись только! – рассмеялся Андрюха. – Нам и своих «баранов» хватает.

– А ты уверен, что ваши «бараны» вполне реальны? – тут же заявил я. – Да, да, я имею в виду вашу жизнь, работу, семью и всё остальное.

– Ну ты даёшь! – бурно отреагировал Андрей. – А что мне мешает думать иначе? Я пока что не разучился доверять своим глазам и уму.

– Действительно, Женя, тебя опять куда-то не в ту сторону понесло, – попыталась усовестить меня Татьяна, – даже как-то не по себе становится, мы же живые люди...

– Нет, Таня, пускай Евгений говорит, я понял, о чём он, – неожиданно встал на мою сторону Володя. – Ты хочешь сказать, что мы видим не всё, а только то, что нам позволено видеть?

– Ну да.

– О-о, это уже интересно, публика требует пояснений! – воскликнула Жанна.

– Ладно уж, развивай тему, – махнул рукой Андрей.

– Для простоты понимания воспользуемся чисто гипотетической аналогией, – начал я, но меня с ехидцей в голосе перебил Андрей:

– Вот только не надо этого высокомерия, мы все здесь люди образованные, разберёмся как-нибудь в твоих заумных идеях.

– Друг мой, будьте сдержаны, не хамите!

– Ладно, чертяга, уговорил, валяй дальше, – уже благодушно разрешил мне Андрей, подбрасывая в костёр толстые ветки.

– Знаете, ребята, я всегда ассоциировал нашу хваленую цивилизацию с таким огромным животным с ненасытным аппетитом и мутным взглядом...

– Во как! – успел вставить Андрей.

– Я имею в виду её низшее качество, – поправился я.

– А высшее тогда что? – поинтересовалась Жанна.

– Высшее? Но ведь любая цивилизация рано или поздно приобщается к культуре и становится информированной. Хотя я не о том сейчас...

– Жень, насчёт ненасытности я поняла и согласна, варварства в цивилизации хватает. А почему взгляд-то мутный? – не отставала Жанна.

– Потому что не желает ничего видеть кроме себя.

– А-а...

– Давай излагай дальше, – попросил Володя.

– Так, на чём я остановился... а, этим животным движет ненасытность, которая пожирает всё на своём пути, а в утробе процессом пищеварения занимаются его пасынки, ну, или органы жизнедеятельности, а со временем они сами становятся похожими на продукты переработки. Пока маленькие, они ещё наивные, хотя и ссорятся и даже кусаются, но повзрослев, уже не по-детски метят свою территорию. И не дай Бог, кто-то покусится на их вкусный кусочек – загрызут! И это даже, несмотря на то, что все они детки одной утробы. Но им ведь нужно расти и чем-то питаться.

– Это ты о чём сейчас, Жень, о странах, что ли? – уточнила Татьяна.

– Правильно мыслишь, Танюша, именно о них. И они состоят из множества клеточек, то есть нас – людей.

– А почему тогда пасынки?

– Ну, если для цивилизации они не родные, то для Природы-Матушки – вполне. Я могу дальше?

– Валяй, валяй! – снова позволил Андрей.

– Со временем у каждого из них появляется свой характер, принципы, особая культура, но с проблесками сознания в утробе нарождается и культ власти. Слабый вынужден подчиняться сильному, а иначе не выжить, ведь помыслы тамошних обитателей запрограммированы не только инстинктами...

– Ага, ещё скажи, что чипом в мозжечке, чтобы не отклониться от намеченного сумасшествия! – со смехом перебил меня Андрей.

– Андрюха, а ты недалёк от истины. Разве нас кроме желаний и страстей не программируют всевозможные идеи или те же традиции, повязанные мёртвыми догмами?

– Согласен, согласен, любая информация кодируется в наших мозгах.

– То-то и оно, – произнёс я и продолжил:

– Так вот, если всё-таки провести аналогию между нашей уважаемой цивилизацией и обычным животным, то получается довольно таки интересная картина...

Я сделал паузу, обводя взглядом друзей.

– Женька, не томи! – не выдержала Татьяна.

– Что профессиональное любопытство, да, Тань?

– Конечно, интересно же.

– Ладно, если что скажу не так, поправишь, – обратился я к Татьяне и продолжил развивать свою мысль:

– Вы же знаете, что в теле животного каждый орган состоит из множества клеточек и выполняет чётко определённую функцию. К примеру: сердце служит насосом и перегоняет кровь, печень фильтрует вредные вещества и участвует в обменном процессе, мозг хранит и перерабатывает информацию...

– А кто там обслуживает систему жилищно-коммунального хозяйства? Это я про обогрев, водоснабжение и канализацию, – решил блеснуть остроумием Андрей.

– В организме этим занимаются компетентные органы, – еле сдерживая смех, пояснил я.

Но Андрюха удержаться не смог, естественно, вызвав цепную реакцию веселья у всех остальных. После вынужденной паузы, заканчивавшейся слезами на глазах, первой заговорила Татьяна:

– Жень, я не совсем согласна, у сердца не одна функция, оно ещё передаёт импульсы инстинктов и чувств... и то же самое относится к другим органам.

– Пускай так... но я же схему вам только обрисовываю. Так вот, каждый орган выполняет свои узкие обязанности и, разумеется, далеко не всё знает о жизни целого организма. Но самое-то главное, что органы совершенно не имеют понятия о том, что находится за пределами тела, ведь существуют внутри замкнутого пространства. Какой же вывод? А он прост: если мы все живём в утробе цивилизации и являемся её клетками или пасынками, как хотите, то, естественно, видим лишь своё ограниченное настоящее и не больше того, а стало быть, заблуждаемся относительно истинной реальности.

– Ты хочешь сказать, что наш мир с его мировоззрением является лишь частью или видимостью реальности, потому что ограничен нутром цивилизации? – спросил Володя.

– А как иначе-то?! Мы же, как наркоманы подсажены на её интересы, причём далеко не бескорыстные и принимаем их уже за свои. Мы уже стали клетками-донорами, получаем примитивную похлёбку, а взамен отдаём всю свою энергию. Поэтому и не можем отличить духовную пищу от отрыжки своего хозяина.

– Фу, как пошло! – прокомментировал Андрей.

Но я не стал обращать внимания на реплику друга, а переключился на Татьяну:

– А ты, Танюша, говоришь, что звёздами некогда любоваться, голову подними и увидишь.

– Ладно тебе, Женька, устыдил уже.

– Из твоих слов складывается впечатление, что цивилизация хронически больна и нуждается в срочной хирургии, – глубокомысленно изрёк Володя. – Или раковая клетка и есть тот самый доктор? Неужели слепоту можно лечить только радикальными мерами?

– У каждого есть свобода выбора.

– Вот про то я и хочу сказать! – оживился Володя. – Всё же зависит от самосознания, ленивый точно ничего не обрящет. Нужно почаще копать в себе!

– Володечка, ты предлагаешь прямо сейчас начать и с себя? – блеснули лукавинки в глазах Татьяны.

– Милая, а ты мне уже диагноз поставила?

– Даже не думала, дорогой, ты у меня просто умница, – умильным голосом пропела Татьяна, демонстративно прижимаясь к мужу.

– Жень, ты как-то мрачно обрисовал картину жизни, – слышались нотки озабоченности в голосе Жанны, – но есть же любовь, дружба, да и ещё много чего хорошего, доброго... Может, не всё так плохо, а? Скажи честно.

– Конечно, конечно, Жанна, ты права, это я так для наглядности краски сгустил, – попытался успокоить я женщину.

– Тоже мне ваятель! Тебе бы не полотно малевать, а кайлом орудовать, – с ехидцей поддел меня Андрей.

– Спасибо, брат, я тронут.

– Слова, слова... одни лишь дебри, – задумчиво произнёс Володя и поглядел на меня:

– Евгений, а всё-таки просвети, как выбраться из её утробы?

– У нас же получилось, – ответил я.

– А если без шуток?

– Если без шуток... а ты поменяй угол зрения, посмотри как бы изнутри на себя и всю свою жизнь, не заинтересовано, может, чего и обрящешь, – с улыбкой посоветовал я.

«Да, странноватый получился разговор. Зачем я его вообще затеял, сам-то я, что знаю о жизни, а о себе самом? Не много, совсем немного... так, смутные предположения, догадки и только... Фарс, один фарс», – думал я, ворочаясь на еловых ветках.

Я догрыз ещё одну галету и стал наблюдать, как из пламени костра с треском вырываются яркие снопы искр. Тогда я ещё не знал, что дальнейшие события на многое откроют мне глаза...

Иллюзия

Я проснулся ночью из-за пробиравшей меня дрожи. Дрова в очаге уже успели прогореть до мелких углей, а те не особенно радовали теплом. Выбраться из своего убежища мне совсем не хотелось, однако пришлось.

– Брр, ну и дубак! – поёжился я, и стал интенсивно разминаться.

После пробежки и отжиманий на кулаках – кровь благодатно побежала по всему телу живительными потоками. Чтобы больше не отдавать инициативу холоду я быстренько реанимировал костёр и устроился поближе к дыханию его согревающего тепла. Наблюдая за вырывающимися в небо языками пламени, я прислушивался к ропоту реки и силился понять, что же происходит со мной здесь и сейчас. Большую часть своей сознательной жизни я пытался уверить себя в том, что любая кажущаяся случайность является лишь закономерностью сложных мною же обстоятельств, которые рано или поздно выливаются в какой-то промежуточный результат, своеобразную веху в пути для новой точки отсчёта. И вот сейчас моё сердце чувствовало приближение перемен. Конечно, оно не могло ответить на все интересующие меня вопросы, но, безусловно, давало надежду на близкие изменения в жизни. Сон полностью развеялся, а внутри меня нарастало уже забытое ощущение, граничащее с упоительным чувством свободы... Потом моё внимание привлекли три звезды, висевшие над горизонтом, где ещё несколько часов назад разливался закат. Я даже удивился, что не сразу их разглядел, звёзды такой нереальной величины и яркости невозможно было не заметить. Они просто манили своей загадочностью! Желая разглядеть их получше, я поднялся на ноги и вдруг увидел, как слева на фоне реки что-то блеснуло. Вначале я подумал, что это костёр, но присмотревшись, решил иначе: нежно-фиолетовое сияние проецировалось прямо над рекой и не имело ничего общего с пламенем огня. Здесь явно было что-то другое. Желая пробудиться от наваждения, я зачерпнул полную пригоршню ледяной воды и выплеснул её на лицо. Но свечение не исчезло. Теперь меня уже разбирало нешуточное любопытство:

«Интересно, что же это такое?.. Может, оптический обман, отблеск месяца или звёзд на водную линзу? Да нет, не похоже. Но там точно что-то есть, надо бы проверить».

Поначалу я решил пройти вдоль берега, но через пару сотен шагов мне преградили дорогу скалы, ограждавшие русло реки. Пришлось вернуться назад и по знакомой лощине подняться выше, чтобы поверху обойти скалистый участок, очень смахивавший на каньон. Чем ближе я подбирался к месту свечения, тем сильнее колотилось моё сердце, а временами оно чуть ли не выскакивало из груди. Один раз мне пришлось даже продышаться, чтобы успокоить себя, но необъяснимый трепет только усиливался. Я двинулся дальше и когда поравнялся с тем местом у реки, решил спуститься к берегу. Но на полдороги я был вынужден остановиться, моё тело вместе с чувствами просто застыли в оцепенении. То, что открылось передо мной, не укладывалось ни в какие привычные рамки и противоречило здравому смыслу. Над водами бурлящей реки сиял удивительный по красоте цветок, игравший тончайшими фиолетовыми оттенками. Он имел форму раскрывающегося бутона и поражал своим величественным размером. Не в силах двинуться с места, я присел на корточки и замер в ожидании дальнейших событий. Действительно, всё только начиналось, волшебное диво разворачивалось прямо на моих глазах: бутон начал раскрываться, заливая таинственным фиолетовым сиянием ночную округу, а потом из раскрывшейся чаши вырвались три ослепительно белых луча. Я не поверил своим глазам, увидев, что лучи соединились с тремя звёздами, которые успели переместиться левее и теперь уже освещали небо как раз над цветком. А то, что произошло дальше и вовсе выбило фундамент из-под шатающихся стен моего рассудка. Как только ниточки лучей втянулись обратно в цветок, на их месте появились три человеческих силуэта, во всяком случае, мне так показалось в тот момент, ведь своей формой они походили на людей. Одновременно

менно как по команде незнакомцы воспарили над чашей цветка и буквально поплыли по воздуху в сторону берега.

«Только бы не заметили», – промелькнуло в моём сознании.

Я не знал, что от них можно было ожидать, поэтому инстинктивно прижался к земле, стараясь почти не дышать. Спустя несколько секунд пришельцы опустились на землю, осветив собою значительную часть берега. Двое мужчин и женщина были довольно высокого роста, в длинных одеждах, похожих на хитоны древних жрецов. По профессии я был историком и неплохо в этом разбирался. Но поразили меня не сами одеяния, а их цвета: у мужчин они, скорее, соотносились с небесно-бирюзовым, а оттенок женского хитона разливался где-то между розовым и аметистовым. В эти мгновения я мог поклясться чем угодно, что никогда не видел в природе таких изумительных по красоте тонов. Их лица мне не удалось хорошо разглядеть, но я отметил, что волосы у мужчин были светлыми, а у женщины, напротив, напоминали тёмную безлунную ночь. Некоторое время они неподвижно стояли на берегу, возможно, приспособившись к новой для себя форме жизни, либо же по-своему оценивали земной мир. В том, что это пришельцы я практически не сомневался, хотя и оставлял в сознании малюсенькую лазейку для отступления, так на всякий случай. Затаив дыхание, я с интересом стал ожидать, что же произойдёт дальше. Но буквально через минуту за моей спиной послышался какой-то шорох, и мне пришлось обернуться. Не обнаружив ничего подозрительного, я снова повернулся к реке, но ни цветка, ни пришельцев на прежнем месте уже не было. В полном недоумении я хлопал глазами, совершенно ничего не понимая, мне не хотелось выглядеть сумасшедшим в собственных глазах, но похоже – всё склонялось к тому.

«Чёрт, что за шутки! Ну не может же такого быть, не может!»

Не придумав ничего лучшего, я решил спуститься к воде.

– Что-то потерял? – внезапно за моей спиной раздался женский голос.

От неожиданности я остановился как вкопанный и медленно повернул голову назад.

В этот момент дар речи покинул меня окончательно, ведь передо мной стояла та самая женщина из цветка. Она была необыкновенно красива. Я не мог оторвать от неё взгляда и в тоже время ловил себя на мысли, что уже видел это лицо. Только никак не мог вспомнить – где и когда...

– Так что же ты ищешь, друг мой? Может, себя? – снова пролился её завораживающий бархатный голос.

Как-то раньше я слышал, что редкие тембры женского голоса способны даже свести с ума и вот теперь я сам был близок к этому. Её необыкновенно чувственный голос буквально затопил меня, пленил своими волнующими интонациями, в нём слышались таинственные звуки пробуждающегося рассвета, нотки материнской заботы, нежный шепот любимой женщины...

– Вы... кто? – не нашёл ничего лучшего спросить я.

– Я?... Я Майя, – спокойно ответила она, подходя ближе ко мне.

– Там, внизу... это были вы? – с трудом выдавил я, показывая рукой в сторону реки.

– Разве? Ведь я сейчас стою перед тобой.

– Но... я же видел, я не мог...

– Отчего же? Мог, иллюзия бывает такой очевидной.

– Но не до такой же степени?! – вдруг осмелел я.

– Напрасно ты так думаешь, напрасно, я смогу тебя уверить в обратном. Пойдём прогуляемся, – произнесла она, протянув мне свою изящную руку.

Рука Майи оказалось нежной и тёплой.

«Слава Богу, хоть не призрак, те вообще бескровны», – успокоил себя я.

– Верно, если не веришь глазам, положишься на чувства, – улыбнулась она. – Хотя...

– Вы что мысли мои читаете? – сорвалось с моих губ беспокойство.

– А чем отличаются мысли от высказанных слов? Те же вибрации.

– Ну-у... не знаю, не знаю, для меня это тёмный лес, – пожал плечами я, покорно следуя за женщиной.

Мы отправились моим же ночным маршрутом, и в дороге нас неожиданно застал рассвет. Но меня почему-то поразило не его внезапное наступление, а совершенно другое. Невероятным образом от блестящих в утренней росе трав, цветов и даже от деревьев к нам тянулись еле видимые флюиды всевозможных оттенков, и я мог поклясться, что слышал их волшебные голоса похожие на звучание маленьких серебряных колокольчиков. Мне не терпелось спросить об этом у Майи, но в тот момент я вдруг вспомнил, где видел её лицо. Однажды я просматривал в библиотеке журналы и наткнулся на фотографию красивой девушки, видимо, рекламировавшей какие-то вещи или парфюмерию, даже не помню что именно. Её лицо мне сразу понравилось, не столько красотой, вернее, и ей тоже, но больше какой-то необъяснимой искренностью, что ли, особенно притягивали её выразительные тёмно-вишнёвые глаза, просто светившиеся неподдельной чистотой. Конечно, подсознательно я понимал, что фотографиям верить нельзя, они далеко не всегда способны отразить душевные качества человека, но всё-таки она оставила след в моей душе. С тех пор прошло довольно много времени, и образ незнакомки как-то стёрся из памяти. И вот теперь такая материализация! От неожиданного открытия я даже остановился. Майя обернулась и вопросительно поглядела на меня.

– Кто же ты всё-таки, ведь это точно не ты?! – порывисто воскликнул я.

– Я же тебе говорила уже, я Майя. Погляди на меня: разве тебе неприятно видеть плод собственной фантазии? И почему ты считаешь, что перед тобой не я?.. Это я, та, которую ты придумал когда-то.

– Нет, ты меня запутала совсем, я не то хотел сказать... ты не та, за кого себя выдаёшь.

– Разве?

– Да, я уверен в этом, это не твоё лицо! – вырвались из меня повышенные ноты и тут же опустились до обыкновенной просьбы:

– У тебя же есть своё лицо, покажи его, я прошу тебя...

Женщина подошла вплотную ко мне и нежно провела рукой по моей щеке:

– У меня их много. Какое бы ты хотел увидеть?

В ту же секунду я услышал крик о помощи, он раздавался совсем близко возле каньона, который мне довелось обходить ночью. Это был голос Татьяны. Я бы не смог его спутать с чьим-то другим, потому что знал и любил каждую его интонацию ещё с тех самых юношеских лет. Не раздумывая ни секунды, я бросился на её зов! Татьяна висела над крутым обрывом, уже из последних сил удерживаясь за небольшой выступ скалы. В любую секунду она могла сорваться вниз и разбиться о камни. В те скоротечные мгновения мне совершенно было безразлично, как она попала сюда и где остальные ребята, лишь единственная мысль пульсировала тогда в моей голове:

«Только бы успеть, только бы успеть...»

Взобравшись на скалу, я лёг на живот и протянул руку вниз:

– Держись, Танюша, крепче держись, я вытащу тебя, вытащу!

Но ответа не последовало. Я во все глаза всматривался в отвесный склон обрыва, пытаюсь осмотреть каждый выступ на скале, но безуспешно, Татьяны нигде не было.

– Таня, ты слышишь меня, Танечка! – крикнул я, но мне ответило лишь горное эхо.

Мне не хотелось в это верить, просто не хотелось верить и всё, мне становилось невыносимо от одной только мысли, что я не смог её спасти.

Не помню, как мне удалось спуститься вниз без специального снаряжения. Обшарив весь берег и сами скалы, я не нашёл ничего похожего на случившуюся трагедию, никаких следов падения. И теперь даже не знал, что делать – радоваться или сокрушаться, я вообще ничего не понимал.

Из ступора меня вывел уже знакомый голос Майи:

- Ты опять в поисках?
- Так это ты всё устроила? – внезапно осенила меня догадка. – Да ты сумасшедшая, ненормальная! Ты... ты просто чокнутая!
- Спасибо, друг мой, польщена, – спокойно ответила женщина, – но я ведь только выполнила твою просьбу, показала своё лицо.
- Ты что издеваешься, какое лицо?! Я чуть с ума не сошёл, чуть не убится! Ты это понимаешь?!
- Но разве что-то произошло на самом деле? Ты же сам в собственном воображении дорисовал эту картинку и только усилил энергию иллюзии. Хотя суть ведь не в том, что ты увидел, а в том, что почувствовал и как поступил. В тот момент ты не думал о себе, а спасал любимую женщину. В этом и кроется истинный смысл... в тебе есть внутренний стержень.
- Мне можно поблагодарить тебя за это? – не унималось моё уязвлённое самолюбие.
- Не обязательно, просто отнесись с пониманием.
- Ладно, извини, Майя, я погорячился, – несколько смягчилось моё сердце. – А ты не знаешь, где мои друзья? Они, наверно, ищут меня, беспокоятся...
- С ними всё в порядке, скоро встретитесь.
- Хорошо, – с облегчением вздохнул я. – А ты ведь меня проверяла, да?.. Я для чего-то вам нужен?
- Ты смел и догадлив, мы не ошиблись в тебе.
- И чего же вы хотите от меня?
- Прежде чем ответить, я бы хотела кое о чём спросить тебя, – произнесла Майя, пронизывая меня насквозь своими прекрасными глазами.
- Но, мне кажется, ты и сама всё знаешь. Разве не так?
- Знаю, но хочу услышать это от тебя.
- Спрашивай.
- Ради чего ты живёшь, и что бы ты хотел понять в своей жизни?
- Экие у тебя вопросы мудрёные, – усмехнулся я. – Чтобы на них ответить – одной жизни точно не хватит.
- Всё зависит от зрелости сознания, бывает и одной жизни хватает, – возразила женщина.
- Ты предлагаешь мне сделку, как Мефистофель Фаусту?.. Я что должен заложить свою душу, так?
- Любая работа должна быть оплачена, но плата будет зависеть только от твоих устремлений. Я не предлагаю тебе мирских удовольствий, знаю, тебе они не нужны. Так что же ты хочешь?
- Хорошо. Я хочу понять себя... себя настоящего, хочу увидеть то, что скрывается за иллюзией земного существования... я хочу быть зрячим и слышащим.
- А как же твоя любовь? – блеснули хитринки во взгляде Майи.
- Насильно мил не будешь...
- Иного я и не ожидала. А работа твоя будет заключаться в наблюдении и сборе информации. Если ты согласишься, то станешь нашими «глазами и ушами» на этой планете.
- У вас же такие возможности, неужели вы сами не можете добыть эту информацию? – с недоумением проговорил я.
- Не всё так просто, мой друг. Конечно, видимую часть земной жизни мы в состоянии сканировать... но, скажем так, её подробности от нас ускользают. Это касается в основном человеческих чувств, а они нам интересны. Сами мы не можем долго находиться на планете, здесь очень низкие вибрации, они болезненны для нас, поэтому вынуждены прибегать к помощи людей.
- Значит, твои коллеги тоже ловцы душ? – усмехнулся я.
- Опять угадал.

– И судя по их мужскому началу, в шелковые силки угодят именно особи женского пола?
– Не лестного же ты мнения о женщинах... Что стало бы без них с этим миром, без их любви и терпения?

– Согласен, не так выразился. Но всё-таки?

– С каждым разом я всё больше и больше поражаюсь твоей проницательности. А теперь представь, какие возможности ожидают тебя в будущем, вернее, уже завтра... ты сможешь прикоснуться к самой вечности, разумеется, если сейчас примешь правильное решение, – ещё туже затягивала «аркан» на моей «шее» Майя.

– Да, заманчиво, заманчиво, конечно... контракт на вечность, это нечто, – задумчиво произнёс я и уже шутливо добавил:

– Но сразу хочу заявить, что на аморалку я подписываться не буду. Хоть режьте!

– А тебя никто и не принуждает к этому, – успокоила женщина.

Я не сомневался, что при желании Майя смогла бы принудить меня к согласию силой и даже заставить расписаться где угодно собственной кровью в знак скрепления договорённости. Но она не делала этого. Видимо, пришельцам нужны были сознательные помощники, что, естественно, подкупало и обнадеживало.

– Ладно, к чёрту сомнения... я согласен, – наконец сдался я, бросая себя в омут неизвестности. – Обговорим условия?

– Обязательно, – кивнула женщина. – В вашем мире ведь есть такое понятие как предоплата за услуги, правильно?

– Ну да, как одна из форм расчётов, – подтвердил я, не совсем понимая, куда она клонит.

– Вот с неё и начнём... предлагаю аванс в размере тридцати процентов от общей стоимости услуг, а всё остальное по мере выполнения. Устроит? – с обаятельной улыбкой произнесла Майя.

– А не обманешь? Ведь ваша плата одни только цифры и ничего осязаемого, – принял я игру.

– Разве я похожа на лгунью? Вглядишься-ка в меня получше.

– Да я не знаю даже – кто ты на самом деле! Кто скрывается за этим роскошным телом?

– Душа, конечно же, душа, – просто ответила Майя, – она абсолютно бесполоя, хотя и женского рода. Сейчас я обворожительная женщина... Ты ведь успел это заметить?

– Ещё бы!

– Но ведь завтра я могу стать кем-то другим, важна не форма, а суть. Если ты почувствуешь меня, то сможешь понять.

– Не знаю, не просто всё это...

– Учись понимать, друг мой.

– Ну хорошо, почти убедила. А как мы будем держать связь или как там у вас это называется?

– Очень просто, – произнесла Майя, подходя вплотную ко мне.

Когда её ладони коснулись моих висков, я почувствовал, как завибрировала под ногами земля и стала куда-то ускользать...

Очнулся я ранним утром на берегу реки. Костер давно уже потух, но я совершенно не испытывал холода. И этот факт можно было занести в мой актив. Я подошёл к воде и увидел излучину реки, которую почему-то не смог разглядеть прошлой ночью. Оказывается, она изгибалась чуть дальше того места, где я встретил Майю. Уже знакомым маршрутом я направился на поиски ребят. По дороге со всех сторон ко мне тянулись разноцветные эфирные лучики незримого мира, и я слышал их волшебные голоса похожие на звучание серебряных колокольчиков. Вскоре я вышел к лагерю своих друзей.

Увидев меня, они с криками радости бросились навстречу.

– Ну ты дал, брат, мы всю ночь не спали! Где шатался?! – первым подбежал Андрюха и обнял меня своими лапищами.

– Даже не спрашивай, – со смехом отмахнулся я.

– Женечка, мы чуть сума не сошли, ждали, ждали тебя... и всё вокруг уже обыскали, – целовала меня Татьяна. – Как хорошо, что ты нашёлся!

– Да куда бы я делся, Танюша.

– Женька, ты снова с нами, ура-а! – повисла у меня на шее Жанна.

– Ты спас наши души, Евгений, ты герой! – смеялся от счастья Володька, всё сильнее сжимая меня в объятиях.

– Задушите ведь... пощадите измученного и голодного, – с трудом выдавил я.

Ребята тут же потащили меня к походному столу, наперебой рассказывая о своих поисках и переживаниях. И в тот момент я поймал себя на мысли, что совершенно не голоден.

Предоплата

По возвращению домой я почувствовал в себе новые изменения, было очевидно, что Майя не лукавила и добросовестно выполняла условия нашей договорённости. Прежде всего перемены коснулись моего видения, окружающий мир теперь представлял в моих глазах не иначе как в фиолетовом цвете. И это вовсе не аллегория, а реально появившаяся особенность моего зрения наблюдать мир через призму тончайших фиолетовых тонов. Раньше я не совсем понимал значения выражений: «видеть всё в фиолетовом цвете», или «мне всё фиолетово», но сейчас смог в полной мере постичь их смысл. Нет, я не испытывал безразличия к жизни и мою душу не леденило равнодушие, просто я стал смотреть на жизнь как бы изнутри себя, из какого-то необъяснимого покоя, наверно, поэтому и оценивал всё увиденное без личной заинтересованности. Световой фон будто защищал меня от воздействия извне, не позволяя его уловкам будоражить мои чувства и транжирить энергию на назойливые жизненные мелочи. Но, как выяснилось позже, это состояние таило в себе и «подводные течения». Однажды я понял, что теряю вкус к некоторым своим привязанностям, ещё совсем недавно игравшим в моей жизни немаловажную роль. Увы, та же участь подстерегала и мои чувства к Татьяне. После путешествия по Саянам её отношение ко мне заметно изменилось, она стала чаще звонить, иногда даже не по разу в день, да и вообще проявляла повышенный интерес к моей жизни. Поначалу я не совсем понимал, с чем связана её забота, ведь раньше такого не было, но дальнейшие наблюдения навели меня на некоторые мысли. Видимо, происходящие во мне перемены всколыхнули какие-то скрытые силы, запустившие в свою очередь необъяснимый стихийный процесс. Пока я не представлял, как можно вернуть эти силы в прежние берега, но интуитивно догадывался, что ситуация требует от меня определённой жертвы. Дальнейшие события лишь подтвердили правоту моей догадки. Во время очередного телефонного разговора, Татьяна предложила мне встретиться в кафе. Ещё совсем недавно я бы отдал всё за один только вечер наедине с ней, ведь все свои сознательные годы только и мечтал об этом. За окном уютного кафе сгустились осенние сумерки, мы пили вино и глядели друг на друга, обмениваясь обычными пустяжными фразами. Но в блестящих глазах Танечки я впервые видел взаимность, они словно говорили мне:

«Ничего не бойся, ты заслужил любовь, возьми её... я твоя...»

И в то же время в них читалась тревога. Я чувствовал, что Таня ждёт от меня первого шага, не смея начать столь мучительный для себя разговор. Но я не мог... не мог.

В конце концов, она всё-таки решилась:

– Женья, ты ничего не хочешь мне сказать? Ты ведь всегда этого хотел, я знаю, я чувствовало это... Что же изменилось?

Возникла пауза. Я старался не глядеть на неё, когда произносил эти слова:

– Танюша... я до сих пор помню вашу свадьбу, ты была такой красивой и такой счастливой... Прости, я не могу.

– Ммм... какая же я дурочка, – задрожали в шепоте губы Татьяны.

Не говоря больше ни слова, она встала из-за стола и побежала к выходу, уже не сдерживая слёз.

Когда за ней захлопнулась дверь, я понял, что моя первая любовь ушла, ушла навсегда, оставив только нежные воспоминания о себе. В этом и заключалась моя жертва, а возможно, и спасение.

Потом я долго бродил по улицам ночного города и будто желая заручиться сочувствием, всматривался в лица случайных прохожих. Но люди проходили мимо, поглощённые собственными заботами, а мои немые вопросы, как неприкаянные птицы порхали в воздухе, так и не дождавшись ответов.

После той встречи с Татьяной я практически перестал видаться с друзьями. Конечно, мы созванивались и даже планировали вечеринки, но как назло, в самый последний момент у кого-то из нашей компании вдруг появлялись неотложные дела и, естественно, встречи откладывались. Грешным делом у меня даже закралось подозрение, что кто-то сознательно ставит эти хитрые препоны, чтобы отлучить меня от друзей. Подозрения подозрениями, но вокруг меня действительно образовался какой-то вакуум, демонстрирующий себя с необъяснимым упрямством. Тягостен крест одиночества, кто ощущал на себе его холодный молчаливый взгляд, тот должен меня понять. И это несмотря на то, что рядом со мной постоянно находились люди. Кроме занятий археологией я ещё читал лекции по истории в университете и дефицита в общении вроде бы не испытывал. Но дело-то было вовсе не в том. Полученные мною знания не уместались в обычный жизненный формат, скажу больше – они безжалостно опровергали сложившееся мировоззрение «нормального человека». Поделиться своими открытиями было не с кем, меня попросту не поняли бы, это в лучшем случае, а ещё хуже – приняли бы за сумасшедшего. Представляю эти ехидные ухмылочки и покручивания пальцем у виска за моей спиной. А я был вполне уважаемым человеком и хорошим преподавателем. Между тем бремя одиночества с каждым днём всё сильнее и сильнее наваливалось на меня. Чуть позже я осознал, что полученные знания таят в себе не единственный противовес. Появившаяся боль в моём сердце не имела ничего общего с личными переживаниями, скорей всего, она стала следствием увиденных мною несовершенств, которыми просто кишел наш мир. Когда я соглашался на условия Майи, то совершенно не подозревал о побочных последствиях своих желаний. Выхода у меня не оставалось, я любой ценой должен был найти равновесие внутри себя, а иначе мне угрожала огненная лихорадка или того хуже. В поисках равновесия мне помогло общение с собственной душой, раньше мы жили с ней не то что бы порознь, но всё одно, что через перегородку, сплетённую из моих же сомнений. Мы не часто баловали друг друга откровениями, но сейчас, можно сказать, стали почти друзьями, и с каждой новой беседой я всё отчётливее понимал, что она и есть – я сам. Как-то во время одного из таких разговоров, я увидел перед собой одобряющий взгляд Майи, и мне сразу стало легче.

На следующий день уровень моего восприятия поднялся ещё на один виток, я это понял, когда смог ощутить в себе чувства другого человека. Всё произошло довольно неожиданно, на лестничной площадке я поздоровался с соседкой и немного дольше обычного задержал на ней взгляд. И в тот же момент ощутил, как на меня полились «помои» её бытовых проблем. Спустя некоторое время после нашей мимолётной встречи я всё ещё переваривал эту мысленную кашу, сдобренную раздражением и горечью. И чего здесь только не было: плохое самочувствие, обида на мужа из-за его ночных походов, неприятности на работе и т. д. и т. п. Первый спонтанный опыт я решил закрепить на практике, уже вполне сознательно настраиваясь на волну определённого человека. Объектами моих исследований стали обычные прохожие, преподаватели университета, студенты, одним словом – все, кто вольно или невольно попадал под луч моего внутреннего рентгена. Но ближе к середине второй половины дня моя голова уже раскалывалась от всего этого невообразимого хаоса сереньких размытых мыслей, создававших навязчивую толчею в компании с душевными воплями и прочими эмоциональными лохмотьями. Конечно, попадались и вполне гармоничные мысли, они даже звучали иначе – возвышенно и радостно, но, к сожалению, таких сознательных «светлячков» было не так много. Если честно, то я был просто шокирован своими наблюдениями, а слова так и напрашивались на вынесение однозначного вердикта:

«Неужели мы все питаемся этими отбросами, изо дня в день молчком пережёвываем весь этот яд? Ведь мы травим друг друга, нагло травим и никто не несёт за это ответственности! И кто же должен убирать весь этот мусор, кто?!»

Я закрыл глаза и представил бесконечный круговорот жизни и смерти, который невозможно было остановить, ведь ежедневно на «свет Божий» появлялись тысячи новорождённых,

и почти столько же человеческих душ возвращались в мир иной. Эта тайна не давала мне покоя и заставляла размышлять:

«На что же тратится земной путь? Чтобы стать „удобрением“ для будущего, только и всего? Но ведь не всякое „удобрение“ – благо, если не учить уроки прошлого. Самообман не лекарь, и тем более не учитель, он не способен облагородить почву жизни... а вот сорняками задушить может или иссушить вовсе. Н-да... и что же мы оставляем после себя, что забираем с собой в тот мир, или мы просто бесцельно бродим по кругу, перетекая из одной жизни в другую?»

С каждым днём меня всё больше огорчало непонимание людей, видящих смысл своего существования только в земных радостях и заботах. Ведь их век настолько краток и иллюзорен. Моё просыпающееся начало требовало для себя продолжения в бесконечной жизни, и неистово желало сознательного бессмертия, причём неважно в каком качестве. А иначе я вообще не видел смысла.

В этом году зима пролетела как-то незаметно и вот уже весна трепетно вступала в свои права, радуя нежными лучами сияющего солнца и тёплым апрельским ветерком.

Всё эти месяцы я добросовестно восполнял пробелы в теоретической части своего эзотерического образования, много размышлял, сопоставлял, анализировал и, конечно же, наблюдал. В последнее время мне стало интересно наблюдать за людьми. Хотим мы этого или не хотим, а всё одно варимся в мировоззренческом котле социума, но даже несмотря на это каждый человек сам по себе остаётся уникальным благодаря своему внутреннему миру, который отмечен неповторимым психологическим узором. Мы все творили себя сами на протяжении необозримого прошлого, творили кропотливо, хотя и не всегда сознательно. Эти следы прошлого я и пытался разглядывать в людях.

Как-то после работы я выбрался в городской парк, чтобы подышать свежим воздухом, а за одним прочувствовать атмосферу пробуждающейся природы. На этот раз меня заинтересовали молодые мамы, гулявшие со своими маленькими детьми. В их глазах я видел любовь. Это трогательное чувство всегда вызывало у меня симпатию, но сейчас я с сожалением отмечал, что у некоторых женщин оно не совсем осознанное, скорее, даже инстинктивное.

«И что же смогут передать эти милые женщины своим ребятишкам кроме любви и заботы?» – спрашивал я себя и сам же отвечал:

«Разве что свой недолгий жизненный опыт... ну и ещё накопления прошлого, которые рано или поздно должны себя проявить. Хорошо, если накоплено больше плюсов, но ведь минусы могут таить в себе обиды, страхи, заблуждения, и прочие предрассудки. А если в настоящем не найдётся даже крупинцы здравого смысла, чтобы не жить как все, в этом трафарете обыденного мировоззрения? Кто тогда поможет детям увидеть мир не чужими, а собственными глазами? Ведь этим малышам тоже когда-нибудь придётся учить своих детей. Так в чём же обретут смысл они: в любви, работе, удовольствиях, в своих будущих детях, или в чём-то ещё?... И многие ли из них задумаются над тем, что вызреет из их привязанностей и какой „свежести“ окажутся выращенные плоды?»

Теперь я постоянно задавал себе подобные вопросы и пытался на них отвечать.

Домой я отправился уже вечером. Походя мимо церкви, я увидел Жанну, выходящую из ворот церковного двора.

«Странно, не замечал за ней этого раньше», – подумал я.

Лицо у Жанны было каким-то отрешенным, и мне пришлось даже её окликнуть.

– Женья? – приятно удивилась она. – Здравствуй... Ты как здесь оказался?

– Да вот в парке гулял, теперь домой возвращаюсь. А ты, какими судьбами в господнем храме?

– Только не иронизируй, пожалуйста...

– Не буду.

– Знаешь, Жень... после того разговора и всех наших мытарств по Саянам меня будто за руку кто-то притянул сюда. Я уже всю свою жизнь наизнанку вывернула, прошу прощения у всех и за всё, сама пытаюсь прощать. Ты мне не веришь? – негромко проговорила Жанна, заглядывая мне в глаза.

– Ну почему, верю. И тебе это помогло хоть как-то?

– Конечно, помогло, очень даже помогло... Я здесь такое умиротворение нашла, я никогда не испытывала ничего подобного... все проблемы куда-то уходят и так легко на душе становится.

– Ну хорошо, сейчас легко, а наступит завтра и опять те же самые проблемы объявятся.

– Не скажи, всё равно легче, когда знаешь, что Бог присматривает за тобой. А ты сам-то не пробовал приобщиться к вере?

– Жана, я же не крещёный, можно сказать – нехристь. Хотя был однажды на службе, так, ради любопытства зашёл, на Пасху.

– Ну и как, ты почувствовал что-то? – порывисто коснулась моей руки женщина.

– Если честно, нет, ничего не прочувствовал, я даже до конца-то не выстоял... столько народу, духотища невыносимая, батюшка что-то там невнятно бормочет. Да я и не сторонник всех этих ритуалов, какой-то от них театральностью пахнет.

– Жень, ну зачем ты так, ты же чувства людей оскорбляешь! – с пылом упрекнула меня Жанна, а потом тихо добавила:

– Вера ведь от Бога.

– С чего ты взяла, что оскорбляю? И при чём здесь вера, я только высказал своё мнение насчёт картинных завлекалок, это же обёртка, а не сама вера, – отстаивал свою точку зрения я.

– Я не совсем согласна с тобой... но пускай. И что же, по-твоему, находится внутри обёртки?

– Знаешь, в последнее время я часто размышлял об этом... я думаю, что вера это когда Бог постоянно внутри тебя... ты работаешь, спишь, ешь, дышишь, а он там, в твоём сердце, в мыслях, в чувствах, в совести. Зачем же столько ненужных декораций, если Бог всегда с тобой. Разве не так?

– Не знаю... ты вроде всё правильно говоришь, но ведь религия уже тысячелетия помогает людям, даёт им надежду на лучшее будущее там...

– Какое будущее, Жанна? Неужели ты думаешь, что человек способен за одну короткую жизнь созреть до такого будущего? Это же утопия, сказки дядюшки Андерсена!

– Но отец Михаил говорил, что всем истинно верующим уготовано место с Богом...

– А всем оставшимся... ну, которые ещё не доросли до истинной веры, где уготовано место?

– Женька, хватит уже смуту сеять, в конце-то концов! Чем тебе церковь не угодила? – не выдержала Жанна. – У Отца Небесного обителей много, каждому воздастся по вере.

– Ну да, легче всё свалить на Бога и думать не нужно. Но ты пойми, Жанна, ведь таких людей большинство и незрели они по ряду причин. Может, им просто не хватило времени? В чем, например, виноват ребёнок, родившийся в семье алкоголиков или вообще умственно отсталым?.. Где он успел нагрешить? Вот ты скажи мне – какие перспективы ожидают его в этой жизни, и светит ли ему такое заоблачное будущее? И если Бог даёт такие испытания, то на это должны быть какие-то веские причины, не просто же так нагрузил, потому что захотел.

Только сейчас я заметил, что мой повышенный тон привлекает внимание прохожих.

– Ох, какой же ты... Я думаю, всё в его власти, он знает как нам лучше и не оставит никого без любви и поддержки, – в голосе Жанны, я почувствовал некоторую неуверенность.

В этот момент зазвонил мобильник Жанны, и она на минуту отвлеклась. Отключив телефон, женщина виновато улыбнулась:

– Ой, Женя, совсем заговорила я с тобой, меня подруга уже десять минут как ждёт. Извини, я побежала, увидимся ещё.

– Счастливо, Жанна. Привет Андрюхе передай.

– Спасибо, обязательно передам, пока, Женя! – на ходу крикнула женщина.

Когда звонкий цокот тонких каблучков Жанны смолк за поворотом, я направился к своему дому, продолжая размышлять.

Вообще-то я не испытывал неприязни к религиям и даже их утрированное подобие считал за благо, ведь любая сердечная вера рано или поздно всё равно находила дорогу к истине. Опасность мне представлялась только в религиозном фанатизме, впрочем, как и в скептицизме ярых материалистов. Все религии объединяла одна духовная суть, но в человеческих устах она выглядела подругой изменчивой, а если выразиться точнее, то её попросту использовали, как размалёванную продажную девку, все кому это было выгодно.

Я не зря затеял разговор с Жанной насчёт избранности и греховности, столь заметные различия в сознательности людей имели под собой вполне объяснимое основание. Мои теоретические знания, проверенные на практике имели право предполагать, что корни различий тянулись в далёкое прошлое, а порождаемые ими ростки, питались тем, что уже когда-то имели. Всё было закономерно, что люди сеяли, то и пожинали. Человеческая жизнь во многом ассоциировалась у меня с рекой, теснившейся между двумя неумолимыми берегами, её русло то сужалось, то расширялось, местами круто изгибалось и меняло своё направление, делилось на рукава и таило в себе опасности порогов. А взгляд судьбы казался мне беспристрастным, его нельзя было умиловить или упростить, но именно в нём отражался весь путь человека с его основными жизненными вехами. Да, можно сказать, что земная жизнь в своей основе являлась – обязателькой, в потоке которой каждому приходилось барахтаться до конца дней своих, чтобы приобрести неоценимый опыт. Однако люди принимали испытания за случайные неприятности и только сетовали на нелёгкую долю, а иные умудрялись находить виновников в своих бедах, даже не задумываясь о том, что породителями их причин могли быть сами. Судьба не жаловала проклинавших её и в любом случае прорывала плотину неприятия, обрушивая на непонятливых всю свою мощь. Чтобы принять неизбежное и при этом ещё не упасть духом – требовалась недюжинная душевная сила, но именно в преодолении своей ветхой природы и обретал себя человек. Великое захватывающее умы и чувства представление называлось – жизнью, где каждый изо дня в день отработывал назначенную ему роль, порой вживаясь в неё до умопомрачительного самообмана. И я должен был понять, что же скрывалось за столь притягательной и обманчивой очевидностью.

По следам прошлого

«Интересно, какое же у Майи настоящее имя? Она так и не ответила мне на этот вопрос. И есть ли у неё постоянный дом? Или она вечная странница, дитя вселенских просторов, как и её спутники... Н-да, кто знает, тот промолчит, в этом и весь парадокс».

Майя не объявлялась уже больше трёх месяцев, но я не держал на неё обиды, она и так одарила меня с избытком. Хотя я до сих пор не совсем понимал, куда же несёт меня поток новой жизни. Летняя пора оказалась для меня плодотворной и насыщенной, в середине июня я отправился с археологической экспедицией на Алтай, где провёл два замечательных месяца на раскопках скифских курганов. Меня уже несколько лет интересовала судьба этого древнего народа, а усыпальницы хранили в себе ответы на многие невероятные гипотезы, касающиеся образа жизни скифских племён того времени, их мировоззрения и кастовой структуры. В чём я и убедился в очередной раз. Новые способности позволяли мне видеть то, что ускользало от взглядов коллег по экспедиции. Я мысленно проникал в суть найденных артефактов, таившую их прошлое, и воспроизводил в своём воображении картины того времени. Теперь я знал наверняка, что энергия обихода обладает уникальной особенностью сживаться с окружающими её предметами, и способна в течение тысячелетий хранить информацию о минувших временах. Даже обыкновенные «черепки» умели разговаривать. Конечно, в присутствии коллег я не был столь категоричен в своих заключениях, а как бы, между прочим, подбрасывал очередную идейку для всеобщего обсуждения. И надо сказать, мои предположения находили отклик у товарищей, а позже подтверждались лабораторными исследованиями.

«Осень, осень, ты на грусть мою похожа... не люблю тебя, но всё же, вместе будем до зимы...» – несколько дней крутились в моей голове слова некогда популярной песни. И видимо, не зря. В начале октября на меня вдруг навалилась невыносимая тоска, она рвала сердце на части и не отпускала даже на время. Если честно, я не знал, что делать, поделиться было не с кем, а Майя до сих пор не давала о себе знать. В какой-то момент мне нестерпимо захотелось куда-нибудь уехать, и я поспешил ухватиться за эту спасительную соломинку. Но загвоздка была в том, что первый семестр ещё только-только приближался к своему экватору, а законный отпуск я уже отгулял. Не знаю, как мне удалось уговорить декана факультета, но с Божьей помощью всё получилось, отпуск на десять дней за свой счёт был завизирован, и мне оставалось только определиться с местом назначения. Ломать голову по этому поводу я не стал, а просто ткнул пальцем в карту России. Ближе всего оказался город Геленджик.

«Геленджик так Геленджик... сутолоки там уже нет, не лето, да и море не часто штормит пока», – усмехнулся я и отправился покупать билет на самолёт.

До Геленджика я добрался ближе к вечеру и очень удачно обосновался в недорогом, но довольно уютном отеле, располагавшемся в десяти минутах ходьбы от моря. Беглый осмотр номера меня вполне удовлетворил, но вещи я решил пока не разбирать, а быстренько переоделся и отправился к морю. В глаза сразу же бросалась опустевшая набережная, купальный сезон уже заканчивался, и суэта курортной жизни замедляла свой бег. На пляжах можно было свободно играть даже в большой футбол, правда, игроков и на одну команду едва бы набралось. Оценив по достоинству бодрящую морскую водичку, я вернулся в отель. После лёгкого ужина я прилёг на кровать и почувствовал, что тоска понемногу отпускает моё сердце впервые за последние три недели.

Проснулся я рано утром. За окном хмурилось, и моросил дождь. Тоска снова напомнила о себе. Я сел на кровать и стал перебирать в памяти смутные фрагменты недавнего сна, в надежде ухватить за ниточку что-то важное. И вдруг неожиданное прояснение:

«Бог ты мой! Майя... ты же приходила во сне... Давай, вспоминай, дружище, вспоминай... Ну да, точно, она сказала, что я должен смыть какое-то пятно в прошлом, а иначе смяте-

ние не оставит меня в покое... Ещё она сказала, что не сможет мне в этом помочь. Хм, видимо, на мне висит какой-то должок, и вернуть его должен я сам. Эх, знать бы еще, что и где искать! Ведь прошлое понятие растяжимое. И как я туда попаду? Ну что за ребусы, Майя, а с пояснениями нельзя было? Может, она ещё что-то говорила?»

Но как я ни силился, больше не смог вытащить из памяти ни одной даже маломальской подсказки.

В голову как назло ничего путного не лезло, и в номере торчать мне уже было невозможно. Чтобы как-то развеяться я решил отправиться к набережной, а по пути заскочить в магазин за зонтиком. Море прилично штормило, и сжатая мысами бухта погрузилась в слезливо-серую дымку тумана. Я всегда любил смотреть на море, погода при этом не имела особого значения, благодаря зонту сверху на меня не капало, а порывистый ветер только добавлял романтики. Разбушевавшаяся стихия невольно завораживала, заглушая своей мощью прочие звуки.

«Как всё быстро меняется, ещё вчера я даже не представлял, где буду завтра, а сейчас я здесь у моря, люблю штормом. Неуловимый миг настоящего... Как же тебя ухватить-то? Ты постоянно куда-то ускользаешь и ускользаешь, только подумаешь о тебе, а тебя уже нет... всё в прошлом и так всегда... Что ж, значит, будем жить будущим, о нём хотя бы можно мечтать».

Удивительно, что в этом природном гвалте и размышлениях, я как-то сумел расслышать стук каблучков за своей спиной. Но обернулся почему-то не сразу. На какую-то секунду женщина замедлила шаг, видимо, проявив интерес к моей персоне, и проследовала дальше. Естественно, лица женщины я рассмотреть не успел, оставалось только проводить её взглядом. Незнакомка в бежевом плаще шла под зонтом, её русые волосы были собраны в небольшую косу, а сердце томилось подстать осеннему дождю.

«Вот и ещё одно сердечко загрузило в плену у одиночества», – посочувствовал я.

И вдруг меня будто током ударило:

«Косички... девочка Лена, пятый класс... Странная ассоциация. Почему именно она? И что такого особенного в том времени? Хотя нет, что-то было, я просто забыл... мы два года просидели за одной партой, а потом она уехала, по-моему, на Дальний Восток, не помню уже точно. Отец у неё был военным, вот и мотались по стране...»

Я вспомнил, как в момент прощания мне стало очень грустно, невыносимо грустно, мне ужасно не хотелось с ней расставаться. Лена всегда тусовалась в нашей компании, как это принято говорить сейчас, а в то время я уже дружил с Андрюхой, Володькой и Татьяной. И вообще у нас был очень дружный класс, мы много времени проводили вместе, выезжали на природу с родителями, отмечали дни рождения, одним словом – всегда находили какие-то общие интересы.

Я всё ещё стоял на набережной под дождём, но уже не слышал шума набегавших волн и не ощущал порывов колючего ветра, потому что всё глубже и глубже погружался в своё прошлое. В разрозненных фрагментах того времени я старался отыскать что-то важное для себя, вернее, пытался почувствовать это сердцем. Первый же стоп-кадр остановился на наших с Леной отношениях. В детстве я был заядлым хоккеистом, да к тому же ещё и шалопаем, поэтому не всегда ладил с учёбой и если бы не Ленка... Сейчас меня удивляло её недетское терпение, ведь со мной было не просто, ох как не просто. Но её забота не ограничивалась только помощью в учёбе, она проявлялась буквально во всём. Лена всегда оказывалась рядом в трудную для меня минуту и могла как-то незаметно по-дружески утешить. И, наконец, до меня дошло:

«Э-э, брат, да ведь не случайно всё это... эта девочка заботилась обо мне, как о своём избраннике, она выбрала именно меня... А я и не понял тогда, дубина!»

Меня потрясло это открытие! Да, я чувствовал эту необъяснимую близость между нами ещё в те годы, признаю, но в двенадцать-то лет какие могут быть мозги у пацана.

«Хорошо, допустим, первые детские чувства... трогательно, да... ну расстались мальчик с девочкой, с кем не бывает... А теперь мальчик с девочкой выросли и у каждого своя жизнь. Где же здесь пятна?» – пытался оправдаться я.

Но потом я решил ещё глубже заглянуть в недра своей памяти.

Поначалу всплывали только приятные воспоминания, связанные с друзьями, школой, поездками на море с родителями, но затем из каких-то загашников подсознания полезли первые детские обиды, переживания и страхи, вызвавшие у меня теперь лишь улыбку сожаления.

«Н-да, действительно, всё проходит... детские проблемы уже несущественны сейчас, впрочем, как и мои нынешние когда-нибудь сдуются, как воздушные шарик и станут простыми воспоминаниями. Вот только осадок останется... в этих горчинках – вся соль, их трудно вытравить, но жить-то они точно мешают, нет-нет да зашевелются в сердце, и не поймёшь, откуда ветер надул», – философски заметил я.

Я пытался выкопать из памяти любую даже незначительную деталь своего прошлого, чтобы хоть как-то зацепиться за чувственную ниточку ещё более глубоких корней.

«Вот и мой дом... н-да, лучшие годы детства, моя комната... всё та же обстановка, игрушки», – с ностальгией подумал я и стал мысленно перебирать сокровища того времени.

Просматривая свои ящички, я наткнулся на игрушечных солдатиков, среди которых оказались воины-крестоносцы. В то время я особенно ими дорожил, сам не знаю почему, но в них таилось что-то загадочное и притягательное для меня. Я мог подолгу наблюдать за застывшими в строю воинами, уносясь воображением во времена далёкого средневековья. Мне представлялись картины жестоких сражений с воинственными криками бесстрашных рыцарей, осады неприступных крепостей, сломанные копья, лягз мечей. И тут я вспомнил, что несколько лет назад поставил на компьютер одну стратегию именно про крестовые походы с захватническими войнами рыцарей и пару месяцев, как мальчишка вместе с Ричардом Львиное Сердце увлечённо сражался с конницами Саладина Мудрого. Ниточка чувств потянула моё сознание к событиям того времени, почему-то ассоциировавшимися у меня с Григорианскими песнопениями. Григорианский хорал я полюбил сразу же, как только услышал эти удивительные неземные голоса на одном из концертов Сары Брайтман.

В тот миг, когда лучик догадки забрезжил где-то рядом, внутри меня зазвучала необыкновенная музыка средневековья, а пространство вокруг завибрировало, заиграло светящимися точками и стало преломляться...

Я даже не понял, как оказался в тёмном подземелье. Станным было то, что я лишился тела, хотя по-прежнему сознавал, причём несколько не хуже чем в нём и даже чувствовал запах подземельной сырости. То самое, что теперь являлось мной, поплыло дальше, осматривая пространство подземных галерей, затем поднялось вверх по ступенькам, пока не очутилось в сумрачном зале, обставленном старинной мебелью и освещаемом лишь язычками восковых свечей. Обстановка явно «попахивала» средневековьем. В зале находились двое, они стояли напротив друг друга и вели беседу. Один был значительно старше, седовласый мужчина в мантии священника, вероятно, священнослужитель высокого сана, судя по его величественному облику и особенностям убранства. Второму мужчине я не дал бы и тридцати, вернее всего – это был рыцарь дворянин, всё говорило о том: знатная одежда, благородный и уверенный взгляд, инкрустированная рукоять меча.

Осваиваясь в непривычной обстановке, я параллельно прислушивался к их разговору.

– Сын мой, начну без предисловий, я слышал, что ты и маркиз де Дюра были вчера приглашены в гости к магистру ордена Храма Заветов. Ты же не будешь этого отрицать? – проговорил сановитый священник.

– Ваше Преосвященство, глупо отрицать уже случившееся, ведь о вашей осведомлённости ходят легенды, – с некоторой иронией в голосе ответил дворянин.

В глазах священника промелькнули недобрые огоньки:

– Ты прав, сын мой, этот мир полнится слухами... не советую тебе и впредь мне лгать. Думаю, ты понимаешь, о чём я.

– Вполне.

– Ну вот и хорошо, тогда поговорим откровенно. Я бы не хотел, чтобы этот визит состоялся, ты должен отказаться от встречи. Я определённо знаю, что вас хотят втянуть в опасную игру, которая может навредить королевству и Риму.

– Я не совсем понимаю вас, Ваше Преосвященство... король и папа всегда покровительствовали ордену, а магистр никогда не скрывал своей преданности к ним, – с недоумением произнёс молодой мужчина.

Священник криво усмехнулся:

– У тебя устаревшие сведения, сын мой, всё изменилось... показной аскетизм этих воинственных монахов уже давно раздражает королевский двор, а Рим просто бесит от их фанатичной ереси. Тем более, что есть надёжные сведения о готовящемся заговоре с их участием.

– Нет, я не верю, что магистр де Шали способен на такое, он искренне предан королю...

– Всё в жизни меняется, сын мой, – произнёс священник и перекрестился.

– Это же абсурд, магистр человек чести! – не сдавался молодой мужчина.

– Я не собираюсь с тобой спорить, граф, но дам один умный совет... не наживай себе врагов среди сильных мира сего, иначе можешь многое потерять, – в словах священника послышалась откровенная угроза. – Да, и ещё... я слышал о твоей помолвке с сестрой маркиза де Дюра. Так ли это?

– Вы правы.

– Так вот, если ты не слушаешься меня, то вы не получите от церкви благословения на брачный союз. Ну а если всё сделаешь правильно, приобретёшь друга в моём лице. Поразмысли-ка на досуге о своём будущем, граф.

– Вы даёте мне время подумать? – на мужественном лице рыцаря отразилось некоторое смятение.

– Это твоё право... но не забывай моих слов и не говори маркизу о нашем разговоре, с ним я побеседую отдельно. Ты понял, сын мой?

– Да, Ваше Преосвященство.

– Вот и хорошо... а теперь ступай.

Граф поклонился и вышел из зала.

Не знаю почему, но я отправился следом за ним. Во дворе мужчину ожидали вооружённые люди, личная охрана или обычное в таких случаях сопровождение. Конная группа, облачённая в плащи с крестами, под которыми укрывались доспехи, проследовала шагом до городских ворот, миновала их, и уже встав на пыльную дорогу, перешла на рысь.

Мне стало интересно, о чём думает этот рыцарь, ведь ему предстояло сделать непростой выбор, в те смутные времена с этим не шутили. С одной стороны – друг, верность слову, а с другой – счастливое будущее с любимой девушкой и покровительство влиятельных людей. Да уж, ситуация! Я и сам-то не знал, как бы поступил на его месте. Но в его мыслях я так и не успел разобраться, опять та же вибрация преломила пространство, и моё незримое естество оказалось внутри одной из башен средневекового замка. Через узкие бойницы мне удалось разглядеть двор, где размещалась конюшня и несколько построек, возле которых копошились простолюдины. Ещё дальше за строениями возвышался земляной вал, простиравшийся вокруг замка в виде защитного укрепления. В попытках осмыслить происходящее я далеко не продвинулся, а если говорить откровенно, просто не знал, что предпринять дальше, но в этот момент со стороны лестницы ведущей в башню послышались чьи-то шаги и голоса. Вскоре дверь отворилась, и в комнату вошли двое мужчин. В одном из них я признал уже знакомого рыцаря, а его собеседником, вернее всего, был маркиз де Дюра.

«А ты, братец, всё-таки не послушался грозного дяденьку в сутане и прямиком направился к своему другу», – улыбнулся про себя я, – уважаю, достойное решение».

Между тем двое друзей продолжали свой разговор.

– Теперь ты всё знаешь, Раймунд... и как видишь, выбор у меня не велик, – вздохнул граф.

– М-да, похоже, епископ решил загнать тебя в угол... Я думаю, он плетёт какую-то хитроумную интригу и каждому пытается навязать свою роль, – ответил маркиз. – И что же ты решил, Гай?

– Раймунд, грядёт что-то очень серьёзное. Я нутром это чувствую! Епископ не шутил, в его словах не было двусмысленности, он откровенно мне угрожал, причём не побрезговал уколоть в самое больное место.

– Ты имеешь в виду Авелин?

– Да. Пойми, мы пешки в этой игре, нами просто пожертвуют и всё!.. Прости, но я решил отказаться от встречи ради будущего Авелин. И тебе не советую ехать к магистру, давай подождём, что будет дальше.

– Нет, Гай, я связан словом дворянина и больше всего не хочу быть пешкой в чьей-то игре. А твоё решение я не осуждаю, возможно, по-своему ты и прав, друг мой.

Я чувствовал, что последние слова Раймунда неприятно задели самолюбие Гайя, но всё-таки он остался при своём мнении, вероятно, любовь к Авелин оказалась сильнее мужских обязательств. И я его понимал, ох как понимал! Я почти не сомневался, что избранница его сердца достойна того.

К сожалению, дослушать беседу двух благородных рыцарей мне не удалось, моё сознание вновь телепортировалось в будущее, на этот раз в замок графа Гая де Лограда. Об этом я узнал случайно из разговора прислуги. Удивительная способность сознания беспрепятственно проникать сквозь закрытые двери и даже стены – меня очень обрадовала, только теперь я в полной мере ощутил всю феноменальность своих способностей. Стать невидимым и знать всё обо всех, это было пределом моих мечтаний. Однако от излишней эйфории меня что-то удерживало, я понимал, что оказался в средневековье неслучайно, но причина до сих пор играла со мной в прятки. Оставалось одно – найти Гайя и искать подсказку в его мыслях. Так я и сделал. Графа де Лограда я нашёл в небольшой комнате на втором этаже замка, он в задумчивости стоял у окна и, конечно же, меня не заметил. Отбросив все посторонние мысли, я сконцентрировался на внутренних ощущениях, пытаюсь представить, что ожидает графа в ближайшем будущем. Почти сразу внутри меня зашевелились еле уловимые обрывки мыслей, замелькали вспышками какие-то цветные картинки, а потом эта разрозненная мозаика видений стала собираться в осмысленные образы. Я увидел, как Гай выбежал из замка, на ходу отдал распоряжение своим поданным и, не дожидаясь сопровождения, вскочил на арабского скакуна и поскакал в сторону видневшегося леса. Видимо, в последний момент он почувствовал близящуюся беду и решил нагнать Раймунда, который в этот день со своими приближёнными отправился на встречу с магистром ордена. Но Гай опоздал. Небольшой отряд маркиза де Дюра попал в засаду, ждавшую его в лесу недалеко от развилки дорог. Его воины ожесточённо сопротивлялись какое-то время, но силы были явно неравными. Соскочив с лошади, Гай стал осматривать поле недавнего сражения, в надежде найти друга живым. Но чуда не случилось, Раймунд был мёртв, как и все его люди. Будто подкошенный граф де Лоград упал на колени рядом с телом друга, безвольно уронив голову на грудь.

– Там... Авелин... – откуда-то из небытия раздался сдавленный голос.

– Что ты сказал, Раймунд, где Авелин, где она?! – воскликнул Гай и стал трясти за плечи своего друга. Но это были последние слова, которые произнёс маркиз де Дюра. Гай вскочил на ноги и ещё раз вдоль и поперёк обошёл место побоища, но безрезультатно. Он уже всё понял, увидев у обочины дороги перевернутую повозку Авелин.

– Ну зачем ты взял её с собой, зачем?! – вырвался из него крик отчаяния.

Гай углубился в лес и стал прочёсывать близлежащие кусты, пока не наткнулся на лежавшую без движения девушку. По всей видимости, она пыталась убежать от преследователей, но не смогла, стрела настигла её раньше.

– Будь ты проклят, дьявол! – разорвал тишину сумасшедший крик Гая.

Навстречу подоспевшим подданным граф де Лоград вышел на руках с мёртвой Авелин. В один миг он потерял всё самое дорогое в его жизни: лучшего друга и девушку, которую не просто любил, а боготворил.

За какие-то минуты я увидел всё, что вскоре произойдёт с Гаем, и остро почувствовал внутри себя невыносимую боль, которая будет раздирать его сердце в лесу возле тела его возлюбленной, боль, граничащую с настоящим безумием. От увиденной картины мне стало не по себе, и заглядывать дальше уже совершенно не хотелось. В этот момент Гай обернулся, остановив свой взгляд на том самом месте, где проецировалось моё сознание. Со мной происходило что-то непонятное, я глядел в глаза де Лограда и не мог понять, кто из нас двоих является мною... Но, слава Богу, через пару минут моё смущённое восприятие прояснилось и всё встало на свои места. Теперь я отчётливо понимал, что на меня смотрит моё же прошлое с его неуспокоенными бедами, ставшими виновниками моих нынешних проблем.

«Вот оно моё пятно, которое я должен смыть... и, кажется, я знаю, кем стал в будущем Раймунд. Друг мой, в том кафе судьба ещё раз проверяла меня на „вшивость“, но я не предал, устоял... Часть долга я тебе вернул, но не всё. И Авелин ждёт меня...» – мысли прямо-таки теснились во мне, но я не стал им потакать:

«Всё, хватит, пора действовать!»

Времени действительно не оставалось, любое промедление с моей стороны было смерти подобно. В следующий момент мощный поток моего сознания вошёл в тело Гая и уже на правах хозяина стал раздавать команды его людям. Через полчаса вооружённый отряд в полной боевой готовности стоял перед графом де Лоградом.

Мы успели, бой только начинался. Воины де Лограда сходу врезались в ряды нападавших и начали их теснить. В те напряжённые минуты я пытался отыскать глазами Авелин и, наконец, увидел её. Она бежала от перевёрнутой повозки вглубь леса. Дорогу через живой заслон мне пришлось прорубать мечом и копытами моего верного Армана. Эти несчастные глупцы, стоявшие на моём пути, совсем не понимали, что сегодня меня не смог бы остановить даже хозяин преисподней вместе со всей своей сворой чертей. Пробившись через частокол сражающихся воинов, я спешил и бросился догонять Авелин.

Почувствовав за спиной учащённое дыхание, она обернулась:

– Я знала, что ты придёшь, милый, знала...

– Родная, я успел, – хрипло проговорил я, сжимая в объятиях Авелин. – Теперь всё будет иначе...

– Гай, ты мой рыцарь, я люблю тебя...

Она ещё не успела договорить, как моё тело пронзила острая боль.

Когда я очнулся в своём геленджикском номере, то с удивлением отметил ноющее ощущение в правом плече.

«Фантом боли из прошлого?.. Что ж... и такое бывает», – вздохнул я.

Волшебное появление в гостинице меня не особенно сейчас волновало, но зато сердце неудержимо тянулось к морю. Не желая терять ни секунды, я выбежал из отеля и быстрым шагом поспешил к набережной.

Навстречу мне шла женщина в бежевом плаще с распущенными русыми волосами. Теперь я узнал её, я не мог не узнать ту, которую любил многие земные столетия, которую так долго и безнадежно искал в лицах других женщин. Она улыбалась мне, как в те давние

школьные годы. От волнения моё сердце учащённо забилось, и в этот момент я вдруг понял, что она и есть моя – Вечность...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.